

Сиянемъ голубого дня
Ушюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!

И стану думать, я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1840.

Валерикъ.

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю какъ и для чего.
Я потерялъ ужъ это право.
И что скажу вамъ?—Ничего!..
Что помню васъ?... Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды—
Гдѣ я, что я, въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды...
Да врядъ ли есть родство души!
Страницы прошлаго читаю,
Ихъ по порядку разбираю
Теперь остывшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно же сердцемъ лицемъ брить
Передъ собою столько лѣтъ:
Добро бъ, еще морочить свѣтъ..
Да и притомъ, что пользы вѣрить
Тому, чего ужъ больше нѣтъ?..
Безумно ждать любви заочной?
Въ нашъ вѣкъ все чувства лишь на срокъ.
Но я васъ помню—да и точно
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяннѣ бесплодномъ
Влачилъ я цѣль тяжелыхъ лѣтъ
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ молодыхъ проказъ,
Любовь, поэзію... но васъ
Забылъ мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ;
Мой крестъ несу я безъ роптанья:
То иль другое наказанье—
Не все ль одно! Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я равно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносю:
Быть можетъ, небеса Востока

Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно почевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Большую душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенію
И нѣтъ работы головѣ.
За то лежишь въ густой травѣ
И дремлешь... подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачи тощія лошади
Стоять рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
Едва дымаются фитили;
Попарно цѣль стоятъ вдали,
Штыки горять подъ солнцемъ юга.
Вотъ—разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били.
Какъ доставалось и намъ...
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирядой татаринъ свой намазъ
Творить, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе.
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ;
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.
Чу!—дальний выстрѣлъ.. прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ!..
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водоной,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой..
Шумъ, говоръ.. «Гдѣ вторая рота?»
«Что? Выучить?—«Что же капитанъ?»
«Повозки выдвигайте живо!»